

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «МОИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ» Д. КНУТА

Шубин Кирилл Александрович

магистрант 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Доклад посвящён первому сборнику Д. Кнута «Моих тысячелетий». Эмигрантские критики отмечали косноязычие поэта, однако семантические особенности стилистики до сих пор не были проанализированы. В связи с этим целью доклада становится анализ идиолекта Кнута. Сборник «Моих тысячелетий» делится на две части. В первой доминирует высокая лексика (типа *алчба*, *молвой*), относящаяся к сниженной (типа *плетёнки*, *барыш*) как 32:11. Это связано с тем, что мира Кнута — это Палестина, включённая в рамки священного нарратива Торы. Сакральность совмещается с телесностью, что передаёт ощущение пронизанности земного вечным: «Раскинув горячие ноги, / Разверзши последнюю тайну, / Агарью-язычницей стонешь / Под грузом / Счастливым / Меня» [Кнут, 1997: 82]. Слова сниженного регистра описывают бытовую сферу человека, наполненную экзотическими предметами востока. Внимание поэта к вещам в сочетании с высокой лексикой выражает радость от бытия как такового. Божественное и мирское гармонично объединены. Во втором разделе сборника множество единиц сниженного регистра (типа *всклокоченный*, *угробил*) сильно возрастает и почти уравнивается с количеством возвышенной лексики (типа *тать*, *негу*): 43:34. Палестина сменяется Парижем, и основное настроение поэтического субъекта становится меланхоличным из-за разрыва прямого контакта с вечностью и тяжести существования. В результате противопоставляется божественное и земное. Теперь разговорный стиль характеризует почти исключительно человека, часто с негативной коннотацией. Этот регистр нужен и для описания страшного мира города. Он же, хотя и стал новой реальностью, воспринимается как нечто преходящее. Этому способствует ненормативность и нестабильность сниженного регистра на контрасте с книжным и высоким. Подчас автор обращается к вульгаризмам (типа *ржёт*, *гнида*), необходимые субъекту для самоуничтожения перед величием Бога. Но это несёт не отдаление, а приближение через смирение: «Аз есмь / Последняя гнида, / Сосущая Твое вымя» [Кнут, 1997: 93]. Самоуничтожение подчёркивается и контрастом между церковнославянской формой и вульгаризмом. В возвышенной лексике возрастает количество славянизмов — это связано с прямым диалогом субъекта с Богом. Эта лексика также передаёт или религиозную экзальтацию, или точку зрения Бога. Земной мир в сборнике постоянно пересекается с вечностью, и поэт пытается её овеществить. В первой части это достигается обилием конкретных предметов и эротических сцен. Во втором разделе овеществление абстрактного проявляется на образном уровне в перенесении человеческих черт на неживые предметы, трансформации и буквализации коллокаций (коллокация *носить бремя* переворачивается в «Лежу под тобою, Господи» [Кнут, 1997: 91]), метафорике, акцентирующей телесность. Стремление передать вещественность мира проявляется и через разговорный стиль: в ненормативных формах и окказионализмах, образованных отглагольным способом, аллитерации, скоплениях согласных, разбивке слов на слоги и парцелляции. Анализ позволяет заключить, что для первого сборника характерна эксплицитная инновативная поэтика. Кнут становится в один ряд с футуристами и имажинистами, от которых позднее отходит.

Литература

Кнут Д. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. Иерусалим, 1997.